

ПИСЬМО

«Быстро управлюсь, дорога хорошая» – думает Зина и торопит себя. Но ноги и так бегут, все дальше и дальше по хрустящему уезженному тракторами зимнику.

Зина – почтальон. И вся ее работа – разнести почту на несколько деревень, а те совсем недалеко друг от друга. Если с настроением шагать, если думы в дороге веселые, то и путь долгим не покажется. А думы сегодня у Зины веселые и шагается ей легко. Вечер-то предновогодний! В клубе концерт, приезжает вокально-инструментальный ансамбль, потом танцы. Конечно, девчонки соберутся у Галки. Уж она им таких причесок накрутит, что парни отпадут. Только бы не опоздать!

К обеду Зина обошла две деревни, без передышки. Задержалась только у своей тетки, но обедать отказалась. Обогрелась, схватила пирожок, стрельнула в зеркальце и умчалась дальше по участку.

Вот уже на косогоре и последняя деревня: ферма и за ней два рядка домиков. И сумка почти пуста: несколько газет и письмо. «Это я мигом!» И вдруг оторопела: «Ой, батюшки!» Письмо адресовано на Хутор бабке Степаниде. Хутор – крохотная деревушка в три дома, два из которых заколочены. То ли поумирали жители, то ли подались в райцентр, поближе к дорогам, к электричеству. Одна бабка и осталась. И никто к ней не заглядывает кроме Зины, которая раз в месяц приносит пенсию. Одна как перст Степанида, никого у ней нет. Был муж-старик со взрослой дочерью, да помер. А неродная дочь давно уехала и след ее затерялся.

«Что ж делать-то?» – растерялась вдруг Зина. До Степаниды еще пять верст, да по бездорожью. «К Галке уж конечно нечего и думать. Хоть бы в клуб не опоздать!» И Зина приуныла. И тут же одернула себя: «Да ну его, это письмо! И что это я? После праздника вместе с пенсией и отдам, не горит!»

Но успокоила она себя ненадолго. Газеты по ящикам рассовала и было назад. А сердце беспокойно. Бог знает, что там, в этом письме!..

... К Степаниде Зина постучалась уже на исходе дня. Глуховатая старуха долго не открывала. И Зина злилась на нее за это, барабанила по стеклу окоченевшими пальцами. Наконец, в сенях зашуршали шаги, звякнул засосов, метнулся на сквозняке мотылек керосиновой лампы. Выглянула старуха, рассмотрела гостью, впустила в дом.

— Чтой-то на ночь ?

— Письмо вам, бабушка. Из Вологды.

— Письмо? Ай от кого же письмо то? Да пройди в дом то, погрейся.

— Некогда мне, бабушка, побегу, надо до темноты на большак выбраться.

— Аль не прочтешь? Сама-то не разберу, совсем слепуха.

Зина вздохнула, потопталась: «Да уж чего теперь, да и дело-то минутное. Давайте».

Она разорвала конверт, развернула вчетверо сложенный листок и от досады прикусила губу. На тетрадном листе детской рукой акварельными красками была нарисована елка, а под ней улыбающийся Дед-мороз. Ниже вкось разбегались корявые строчки.

«Из-за этого-то пропал вечер! Тащилась в такую даль!» Зина чуть не разрыдалась. Но пересилила себя и стала читать детские каракули. И вдруг забыла все: пропавший вечер, свою досаду и обиду.

«Здравствуй, дорогая бабушка, – читала Зина, – пишет тебе твой внук Вова. У всех есть бабушка, а у меня нет. Теперь я узнал, что у меня тоже есть бабушка. Мама говорит,

что ты не родная, но пусть лучше у меня будет такая, чем никакой. Я хожу в школу, учусь в первом классе. Бабушка, ты приезжай ко мне. Я покажу тебе свой альбом и краски. Поздравляю тебя с Новым Годом и желаю счастья. Писал и рисовал твой внук Вова».

... Что-то произошло с Зиной. Непонятно что, но чувствовала она себя так, будто совершила что-то очень хорошее и нужное. Выйдя от заплаканной старухи, Зина пошла напрямки, зашагала размашистым бодрым шагом. Шла и думала... ни о чем. Высоко в небе сияла первая вечерняя звезда. Вдруг представился ей людный зал, елка, подруги веселые, возбужденные, нарядные... Но все это без зависти, с тихой грустью о том, что им, веселым, конечно сейчас не до нее, шагающей по скрипучей снежной дороге в морозной предновогодней ночи.